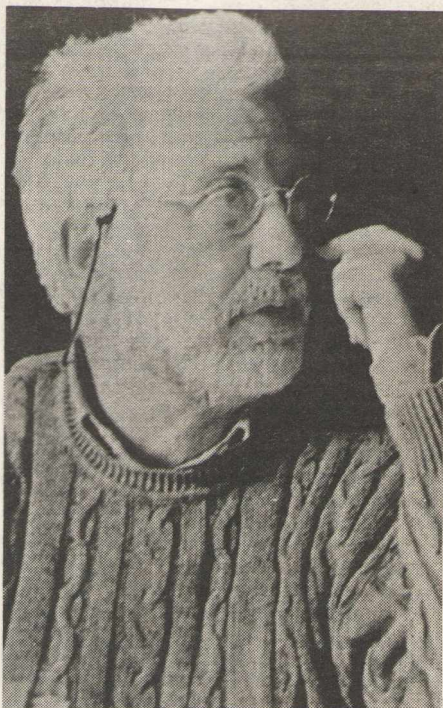

Лука РОНКОНИ:

ДУШУ ЗА ЖЕНЩИНУ?

Эта мысль осенила знаменитого итальянского режиссера в тот час, когда он сменил амплуа. Лука Ронкони поставил оперный спектакль «Проклятье Фауста». Новая история про вещи старые, как мир: любовь, отношения между дьяволом и человеком, страх, смерть, продажа души. Насколько режиссер преуспел в воплощении этих древних истин, может быть ясно из материала, перепечатанного со страниц миланского еженедельника «Панорама». Ибо, когда мы увидим спектакль, и Мефистофелю неведомо!

— Ради Бога, давайте сразу выясним главное: лично я абсолютно далек от идеи какого бы то ни было сравнения, — говорит известный итальянский режиссер. Эта реплика вызвана тем, что в Милане вот уже третий сезон идет «Фауст», который поставил Джорджо Стрелер. А в Турине недавно состоялась премьера оперы «Осуждение Фауста» по Гектору Берлиозу. Автор спектакля — он, Лука Ронкони. Естественно, многие критики сопоставляют этих двух «Фаустов»...

— Оперу Берлиоза, который, как известно, был автором и музыки, и либретто, можно было бы совершенно спокойно назвать «Осуждение Пьеро» или «Осуждением Вальтера», поскольку в ней нет ничего «фаустовского» в классическом понимании этого слова, — говорит Лука Ронкони. — Главный герой не является ни магом, ни философом, его абсолютно не снедает жажда знаний. Он отнюдь не воплощение духа современного челове-

ка, которым движет постоянное желание идти вперед. Это унылый, мрачный тип, он вечно чем-то недоволен, а чем — и сам хорошенько не знает. Рассуждает о скоротечности времени, созерцает небо, природу и переполняется от всего этого тоской. Пытается покончить жизнь самоубийством, хотя не может объяснить, почему. Возможно, он не доволен тем, как прожил свою жизнь, но тогда отчего второй раз хочет пережить все то же? Кроме того, для меня остается тайной, почему над этим беднягой тяготеет проклятие, ведь он не совершил ни одного злодеяния.

О том, что Берлиоз в своей опере совершенно иначе, не так, как Гете, трактует образ Фауста, Ронкони пишет и во введении к либретто: «Автор «Осуждения» всего лишь «занял» у великого немца некоторые сцены, оказавшие на его душу неизъяснимое влияние. Впервые знаменитый композитор познакомился с «Фаустом», когда ему было двадцать пять лет. Он

2 октября 1992 года

13-
12 страница

НЕТ, НЕ ПРОДАМ!

прочитал сделанный Жераром де Нервалем прозаический перевод сочинения Гете на французский. И больше не расставался с ним, постоянно перечитывал — за обедом, в театре, в дороге. Может быть, именно то восхищение, которое он испытал в молодости при первом знакомстве с «Фаустом», и толкнуло его потом на это слишком уж свободное толкование образа главного героя. Надобно сказать, что поначалу чтение «Фауста» вдохновило Берлиоза на создание нескольких отдельных сочинений, которые он затем соединил в одну оперу, окончательно «прорисовал» сюжетную линию и добавил то, чего, по его мнению, не хватало».

Премьера на сцене парижской «Опера Комик» провалилась с треском. Успех к этой опере Берлиоза, как не раз случалось в истории, пришел уже после смерти композитора. Что же касается сюжета, Берлиоз хорошо пофантазировал. Приключения доктора Фауста неизвестно почему начинаются в Венгрии, где герой с грустью наблюдает за работающими на полях крестьянами и солдатами, которые отправляются на войну под звуки «Марша Ракоши», композитор написал его ранее. Затем зритель видит Фауста в Германии, мрачно со-

зерцающего кубок с ядом, в то время как Мефистофель соблазняет его обещаниями вечной молодости. Фауст засыпает и видит во сне Маргариту. Проснувшись, говорит Дьяволу, что хотел бы увидеть ее. Естественно, девушка уже любит Фауста, которого тоже видела во сне. После первого свидания Маргарита пытается снова увидеться с возлюбленным, но напрасно, потому что мать не отпускает ее никуда. Маргарита дает матери снотворное, но та внезапно умирает. Узнав о случившемся, Фауст просит Мефистофеля спасти несчастную девушку и за это готов отдать свою душу. Вместе с Маргаритой он мечется в поисках выхода по страшным подземельям ада, не зная, что за душу несчастной боролись — и уже победили — ангелы.

— «Осуждение Фауста» — это скорее драматическая кантата, а не опера, — говорит Ронкони. — Поэтому сценического действия в его традиционном виде здесь нет.

Задачу перед певцами (Маргариту поет Норма Фантини, Фауста — Нил Розенхайм, Мефистофеля — Давид Уилсон Джонсон) режиссер вместе со своим любимым сценографом Маргаритой Ралли поставил необычную. Актеры стоят на возвышении пе-

ред помостом, наклоненном к сцене под углом в 60 градусов. По помосту, испещренному рельсами, с разной скоростью перемещаются танки, пушки, крестьянские повозки, солдаты и духи, которые подхватывают Фауста и Маргариту и несут их ввысь. Пролетая над земным шаром, они внезапно падают в огромную разверстную пропасть — зево ада, скорее всего похожее на то, каким рисовал его Бодлер.

Поскольку Ронкони никогда не пытался поставить «Фауста», его спросили, не было ли у него желания придать берлиозовскому персонажу некие черты персонажа Гете?

— Вот уж нет, — ответил Лука Ронкони. — Я слишком почитаю Гете, чтобы тискать нечто от его Фауста куда попало. И для чего? Чтобы все узнали, что я читал это сочинение? Так вот я заявляю: я читал «Фауста» Гете. Но никогда не испытывал желания поставить его на сцене. Да я просто не знаю, как это сделать. Для меня доктор Фауст — не персонаж, а скорее миф. И потом, если уж затронуть сферу личных ощущений, я абсолютно не разделяю желаний Фауста. Сама мысль о том, что можно было бы вернуть молодость, повторить все сначала, приводит меня в дрожь... я снова встретил бы на своем пути тех же женщин, которых знал... Нет, такое страшно даже представить. И уж ни за что не согласился бы на бессмертие ради одной какой-то девицы! Я более любопытен, чем Фауст, я хочу прыгнуть в неизвестное, чтобы посмотреть, что же будет потом, и ни за что не хочу лишиться такой возможности!

Перевела с итальянского
Марина АРКАДЬЕВА.